

Ордена Трудового Красного Знамени  
Институт археологии АН СССР  
Калужский областной краеведческий музей

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ  
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Тезисы докладов

Боровск 1988



Ордена Трудового Красного Знамени  
Институт археологии АН СССР  
Калужский областной краеведческий музей

Вопросы археологии и истории

## ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Тезисы докладов

Боровск 1988



Ответственный редактор:

А. С. Фролов

Секретарь: В. И. Осипов

Рецензент: канд. ист. наук С. В. Белецкий

Типологический состав Красной 3 характерен для позднего этапа бутовской культуры. Памятник, судя по аналогиям, относится к бореальному времени.

В настоящее время Брянско-Жиздринское полесье и в целом верховья Оки благодаря работам Деснинской экспедиции сравнительно хорошо изучены. Здесь зафиксировано около 20 местонахождений мезолитического времени, семь из которых раскопаны. В культурном отношении они представляют довольно сложную картину. Брагино относится к иеневской культуре. Стоянка Красная 10 относится к типу Смячка XIV и отражает момент проникновения в раннем мезолите из бассейна Десны культуры свидерского происхождения. Не исключено, что Брянско-Жиздринское полесье было одним из регионов, где контактировали группы свидерского (тип Смячка XIV) и рессетинского населения на основе которых складывается бутовская культура. Материалы Ресеты 3 и Ресеты 2 послужили основой для выделения новой культуры, существовавшей на рубеже финального палеолита — раннего мезолита. Красная 8 — «Пенешки» и Красная 1 — «Вася» также дали оригинальные материалы. Под воздействием памятников типа Красной 8 в Красной 3 могли появиться скребла и возникнуть короткие желобчатые тесла, а также усилилась отщеповость. Не исключено заимствование отсюда и высоких трапеций. Возможно территория Верхнего Поочья была очень плотно заселена и только в позднейшее время бутовскому населению удалось проникнуть вплотную к деснинскому водоразделу, занятому памятниками деснинской и родственной ей иеневской культур. Представляется очевидным, что материалы Красной 3 являются наиболее поздними в данном микрорайоне. Следовательно, они позволяют в известной мере корректировать возраст инокультурных памятников.



А. Н. Сорокин

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ БУТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

По вопросу о происхождении бутовской культуры в 1976 г. Л. В. Кольцовым было высказано предложение о ее формировании на основе свидерской культуры при участии местного (Волго-Окского) финального палеолита. Позднее были добавлены «элементы аренбургской культуры и финального палеолита Десны». Фактически это положение является развитием взглядов М. В. Воеводского о сложении Волго-Окского мезолита на базе свидерской культуры. Гипотетичность высказанного ясна уже по двум обстоятельствам: 1) отсутствию в бассейне свидерских стоянок и 2) невыразительности и статистической непредставительности финальнопалеолитических коллекций. Полученные за последние годы материалы позволяют конкретизировать компоненты, из которых складывались бутовская культура и детальнее представить ее генезис.

Имеющиеся данные не позволяют говорить о непосредственном участии свидера в происхождении бутовской культуры. Отличия поздних свидерских и ранних бутовских комплексов заключаются: а) в технике первичного расщепления (свидерских нуклеус т. н. «челновидный», двуплощадочный торцевой с поперечной подтеской контрфронта. Конические нуклеусы единичны. Основная заготовка — пластина. В бутовской культуре челновидные нуклеусы отсутствуют, преобладают одноплощадочные конические (подконические), призматические двуплощадочные редки, скалывание круговое. В качестве заготовок преобладают пластины, но высока и доля отщепов; б) бедность и специфичность свидерского типологического набора по сравнению с бутовским (скребки в свидере — высокой формы на пластинах, крайне редко округлые и двойные. В бутовской культуре высоких скребков нет, и, хотя доминируют концевые на пластинах, разнообразнее типологический состав. Резцы в свидере — срединные, в бутовской культуре их единицы. Напротив, резцы на сломе характерны для бутово и малочисленны в свидере. Ножи в свидере — пластины с ретушью и ножи с подтеской. В бутовской культуре последних нет. Микролиты в свидерской культуре ограничиваются единичными вкладышами из фрагментированных пластин,

в бутовской культуре их много. Кроме того, в ней присутствуют микролиты с затупленным краем, усеченные ретушью пластины, косые острия, изделия с краевыми выемками, которых нет в свидере. Рубящие в свидере малочисленны, единственная форма — это топор с перехватом. В бутовской культуре их нет, зато масса тесел треугольных, трапециевидных, двусторонних и на отщепах и т. д., но в Тихонове и Суконцево 7 имеются позднесвидерские типы наконечников.

Все это говорит о том, что бутовская культура складывалась не прямо на свидерской основе, а опосредовано, вероятно, с включением уже не собственно свидерских, а постсвидерских элементов.

Ближе других к бутовским являются стоянки свидерско-аренбургской традиции типа Смячки XIV (по Л. Л. Зализняку), распространенные в Брянско-Жиздринском поле, однако и они не дают ряду бутовских признаков. Кроме них в бутовской культуре территориально и хронологически предшествуют памятники рессетинской культуры, которые характеризуются целым рядом признаков, известных в бутовской культуре. Это проявляется: 1) в технике первичного расщепления (присутствие нуклеусов параллельного снятия конической и призматической форм, отсутствие ядрищ свидерского облика);

2) сходстве основного типа заготовки, при меньшем уровне пластинчатости и большей варибельности типов заготовки в рессетинских стоянках;

3) широком использовании крутой затупливающей ретуши, спорадическом употреблении в бутовской культуре микрорезцовой техники, характерной для рессетинской культуры;

4) сходстве, а во многом адекватности типологического набора, проявляющееся в составе резцов, скребков, скобелей, сверл, ножей, присутствии косых и симметричных острий, микролитов с поперечно срезанным ретушью концом, комбинированных орудий, а также микролитов с затупленным ретушью краем;

5) типологический состав рубящих рессетинской культуры шире набора бутовских стоянок, но целиком включает все формы, присутствующие в последней.

Все сказанное вызвано не простым заимствованием, а имеет генетическую природу. Для объяснения всех этих



фактов может быть предложена гипотеза происхождения памятников ранней группы бутовской культуры, обладающих классическим набором признаков культуры (Суконцево 7, Черная 1, Задне - Пилево 1, Петрушино, Соболево 5) в результате взаимодействия населения центра Русской Равнины рессетинской культуры (основной компонент) типа Суконцево 8 и 9 и населением памятников типа Смячки XIV свидеро - аренсбургской традиции. Механизм образования бутовской культуры представляется в следующем виде.

Население, оставившее памятники типа Смячки XIV или им подобные через Десну и верховья Оки, т. е. по Брянско—Жиздринскому полесью в пребореальное время проникает в Волго — Окский бассейн (Красная Х), где складывается тип Тихоново 1. Последние, в свою очередь, начинают активно взаимодействовать с раннерессетинским населением (типа Суконцево 8, 9). На основе взаимодействия индустрий памятников типа Смячки XIV — Тихоново и Суконцево 8, 9 складываются собственно бутовские комплексы типа Суконцево 7 — Задне—Пилево 1, в состав которых входят свидерские и постсвидерские наконечники, концевые, двойные, боковые, подокруглые и комбинированные скребки, ретушные, двугранные и неподработанные резцы, разнообразные рубящие (на отщепах, двусторонне оббитые, подтрапециевидной и подовальной форм, а также с зауженным обухом), косые и симметричные острия, пластинки с поперечно срезанным ретушью концом, микролиты с затупленным ретушью краем, скребла, т. е. классические бутовские ансамбли.

Параллельно ими или чуть ранее этих событий, но в пребореальное же время часть рессетинского населения мигрирует в Прибалтику, где оставляет памятники раннего этапа кундской культуры (типа Пулли). Выделенная цепочка является предположением, требующим дальнейшей разработки на основе накопления данных по памятникам типа Смячки XIV.

А. С. Смирнов, А. Н. Сорокин

### СТОЯНКА КРАСНАЯ 3

Располагается в Хвастовичском р-не Калужской обл. на останце высотой до 6 м первой надпойменной террасы

левого берега р. Ресеты в 2 км к В от с. Красное и входит в зону Брянско—Жиздринского полесья. Открыта в 1973 г. И. К. Фроловым, дополнительно обследована авторами в 1982 г. Собранная коллекция мезолитического времени включает более 10000 каменных изделий.

Состав комплекса: 1) нуклевидные 6,2%, 2) сколы — 78,7%, 3) орудия для первичной обработки—0,1%, 4) предметов со вторичной обработкой 11,1%, 5) отходов вторичного производства 3,9%.

Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные подконические ядрища, их дополняют конические, торцевые уплощенные и призматические. Встречены подчелновидные, напоминающие свидерские.

Общий индекс пластинчатости низкий (0,2), но среди морфологически четких форм преобладают орудия на пластине. Наиболее многочисленны резцы, среди которых доминируют орудия на сломе заготовки, присутствуют двугранные и ретушные. Характерна многофасеточность.

В скребках ведущей формой служат концевые экземпляры, их дополняют скошенные, двойные, полукруглые, веерообразные, боковые, раклеты и скробач. Резцово-скребковый показатель положительный (1,7). Имеются скребла.

Представлены скобели с мелкими узкими или широкими дугообразными выемками, сверла со слабо выделенными концами, развертка, пластинки с приостряющей ретушью, тесла подтрапециевидной и подовальной форм, в т. ч. с желобком, комбинированные орудия, косые острия и пластинки с поперечно срезанным ретушью концом, острия со сходящимися ретушированными концами, высокие трапеции, микролиты с затупленным ретушью краем, краем и основанием, вкладыши из фрагментированных пластин. Наконечники стрел выполнены в постсвидерской манере.

Типологический состав Красной 3 характерен для позднего этапа бутовской культуры. Памятник, судя по аналогиям относится к бореальному времени.

В настоящее время Брянско-Жиздринское полесье и в целом верховья Оки благодаря работам Деснинской экспедиции сравнительно хорошо изучены. Здесь зафиксировано около 20 местонахождений мезолитического времени, семь из которых раскопаны. В культурном отношении они представляют довольно сложную картину. Брагино относится к иеневской культуре. Стоянка Красная 10 относится к типу



Смячки XIV и отражает момент проникновения в раннем мезолите из бассейна Десны культуры свидерского происхождения. Не исключено, что Брянско - Жиздринское по- лесье было одним из регионов, где контактировали группы свидерского (тип Смячки XIV) и рессетинского населения на основе которых складывается бутовская культура. Мате- риалы Ресеты 3 и Ресеты 2 послужили основой для выде- ления новой культуры, существовавшей на рубеже финаль- ного палеолита — раннего мезолита. Красная 8 — «Пенеш- ки» и Красная 1 — «Вася» также дали оригинальные мате- риалы. Под воздействием памятников типа Красной 8 в Красной 3 могли появиться скребла и возникнуть короткие желобчатые тесла, а также усилилась отщеповость. Не ис- ключено заимствование отсюда и высоких трапеций. Воз- можно, территория Верхнего Поочья была очень плотно заселена и только в позднейшее время бутовскому насе- лению удалось проникнуть вплотную к деснинскому водораз- делу, занятому памятниками деснинской и родственной ей иеневской культур. Представляется очевидным, что мате- риалы Красной 3 являются наиболее поздними в данном микрорегионе. Следовательно, они позволяют в известной мере корректировать возраст инокультурных памятников.

А. Е. Кравцов

### К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1980-е гг. автором исследовалась мезолитическая сто- янка Беливо 4А близ д. Беливо Орехово—Зуевского р-на Московской обл. Она занимает мыс боровой террасы левого берега р.Нерской высотой 3—3,5 м при впадении неболь- шого безымянного притока. Культурный слой не окрашен. В раскопе площадью 215, кв. м. найдено более 2200 крем- ней, залежавших в пахотном слое и преимущественно в верх- ней части песчаной подпочвы горизонтом мощностью 0,4 м. Отмечены 2 скопления находок. Первое исследовано пол- ностью и сопряжено с остатками легкого наземного жили- ща. Второе намечается у северной стенки раскопа. Существ- венных различий между инвентарем скоплений нет, вероят- но, они практически синхронны. Единство полученных ма- териалов подтверждается стратиграфическими и планигра- фическими наблюдениями, связями по «аппликациям» меж-

ду обнаруженными хозяйственно - бытовыми объектами (жилищем, кострищами, ямами).

В инвентаре стоянки сочетаются элементы иеневской и бутовской культур. К признакам бутовской мы относим хо- рошо развитую пластинчатую технику, основанную на рас- щеплении одноплощадочных ядрищ с круговым снятием, преобладание изделий из правильных узких пластин, доми- нирование среди орудий резцов, а среди резцов — с непод- работанной площадкой, овальную форму рубящих орудий, обработанных двусторонней оббивкой и ретушью, а иногда — шлифовкой (шлифовались только мягкие породы камня), наличие постсвидерского наконечника стрелы, микролитов с затупленным краем и скошенной базой.

В группе наконечников стрел преобладают изделия, ха- рактерные для памятников иеневской культуры: типа Линг- би (2), с боковой выемкой (2), черешковый с крутой ре- тушью на насаде по спинке, напоминающий аренбургские, косолезвийные (высокая асимметричная трапеция). Наиде- ны также неравносторонний треугольник и острия с пря- мым затупленным краем («обушковые ножи»).

Единство разнокультурных элементов в комплексе подчеркивается наличием плоской ретуши, являющейся од- ним из главных типобразующих признаков свидерских и постсвидерских наконечников стрел, на насадах всех най- денных асимметричных наконечников.

По С<sup>14</sup> памятник датируется 8,6—9,6 тыс. лет назад. Разброс дат объясняется условиями залегания датирован- ных кострищ в непосредственной близости от поверхности. Образцы неравномерно загрязнены в следствии: а) прорас- тания корней, б) нарушения слоя распашкой, в) наличия в пахотном слое современных углей и кострищ, проникаю- щих в подпочву, и в некоторых случаях почти перекрываю- щих мезолитические. Датировка находится в противоречии с принятой в настоящее время хронологией иеневской куль- туры — кон ВО — нач. АТ.

Сравнительно — типологическим обоснованием поздне- мезолитического возраста иеневской культуры служат близ- кие аналогии в материалах стоянок типа Песочного Рва в бассейне Верхнего Днепра. Однако, памятники типа Песоч- ного Рва методами естественно - научных дисциплин прак-



тически не датированы. Имеющееся геологическое определение возраста эпонимной стоянки голоценом допускает широкое толкование.

Представления о позднемезолитическом возрасте Песочного Рва связаны с находками на стоянке орудий с двусторонней обработкой и многочисленных высоких трапеций. Однако, как показали исследования Л. Л. Зализняка, на памятнике имеется примесь материалов эпохи бронзы. Не являются надежным хронологическим репером и трапеции, время появления которых в Центре Русской равнины не установлено. В Поднепровье они найдены в финальнопалеолитических стоянках Раска и Смячка XIV. «Трапециевидные формы», одна из которых фактически не отличается от высоких симметричных трапеций, обнаружены в таком раннем памятнике, как Гагарино.

Заслуживают внимания аналогии памятникам иеневской культуры по наконечникам стрел, остриям с затупленным краем и некоторым др. классам орудий в стоянках Северной Европы Тольк А, Калленхардт, Штельмоор, датированных не позднее ДР—Ш. Пребореальная стоянка Тосскер А содержит в инвентаре набор наконечников, геометрических микролитов, рубящих уже полностью сопоставимый с комплексами иеневской культуры. Очевидно, между Волго - Окскими памятниками с асимметричными наконечниками стрел и геометрическими микролитами и наиболее поздними памятниками аренсбургского круга типа Тосскер А большого хронологического разрыва не существует.

Для стоянок иеневской культуры в настоящее время имеются 4 палинологических датировки: Ладыжино III—ВО—1, Дальний Остров — ВО, Дмитровское 1 и Коприно — АТ—1. Датировка Ладыжино III и Дальнего Острова подтверждают радиоуглеродную датировку Беливо 4А. Датировка Дмитровское 1 нуждается в проверке, т. к., по сообщению А. С. Фролова, АТ—1 датирован не культурный слой памятника, а перекрывающая его погребенная почва. Культурная принадлежность Коприно не может быть определена однозначно, поскольку в ее инвентаре культуроопределяющие формы отсутствуют.

Хронологию памятников иеневской культуры, их соот-

ношение с памятниками типа Песочного Рва в Верхнем Поднепровье и др. мезолитическими культурами Волго - Окского междуречья нельзя считать окончательно установленными. Представляется, что большая часть стоянок иеневской культуры относится к ВО, а наиболее ранние, вероятно, к РВ.

В. М. Воробьев

## РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В позднем мезолите Волго-Окского бассейна Л. В. Кольцов отмечает существование двух культур: местной — бутовской (позднебутовской), и пришлой — иеневской. Сведения о первой из них получены с ограниченного числа памятников. Рубящие орудия есть на стоянках Мордовское, Устье, Некрасово, Золоторучье, Соболево 5, Боровичская, Борки, Новошино, но либо они имеют неолитический возраст, т. е. происходят из смешанных комплексов, либо материалы раскопок не опубликованы. «Рубящие орудия» из Скнятино — нуклеусы. Таким образом, мы пока не располагаем материалами, позволяющими дать характеристику групп рубящих орудий бутовской культуры.

Среди нескольких десятков памятников, относимых к иеневской культуре, раскопано более 10: Иенево 2, Дмитровское 1, Култино 1, Пеньково, Коприно, Алтыново, Богоявление и др. Смешанных комплексов почти нет, подъемные материалы также представляют, как правило, единое целое. Датировка культуры поздним мезолитом исходит из широкого употребления геометрических микролитов, различных типов вкладышей, характерны наконечники стрел с поперечным лезвием и боковой выемкой, серии рубящих орудий нескольких типов.

На эпонимном культуре памятнике — стоянке Иенево 2 найдены: топорик с перехватом на отщепе, для чистовой отески небольших деревянных изделий; обушок такого же изделия; мотыга с перехватом, резко удлиненных пропорций (на поселении — следы двух жилищ столбовой конструкции). В комплексе Дмитровское 1—6 рубящих орудий, в основном — топоры с перехватом. Они массивны, грубо оббиты, возможно, недоделаны. Имеются также мотыга и тесло типа 7 (по классификации автора см.: СА, 1979, № 3)



На стоянке Староконстантиновская 4 есть топор с перехватом (тип 16) и с выделенным тонким обухом (тип 11). Два орудия с перехватом — топор и тесло — найдены на стоянке Култино 1. На раскопанной полностью небольшой стоянке Красново 1 под г. Калинином есть кварцитовое изделие типа мотыги с выделенным обухом и прочерченным геометрическим орнаментом на одном фасе. Рубящие орудия присутствуют и в подъемном материале памятников этой локальной группы: в Дмитровском 2 — кирка, на Староконстантиновской 6—2 топора с перехватом, на Староконстантиновской 3 — топор-транше на отщепе, в Избрижье — тесло на нуклеусе. На Средней Мологе на стоянке Усть-Кеза 1 найден топор с перехватом.

В Старицком и Зубцовском Поволжье имеются следующие находки: заготовки рубящих орудий и топор типа 11 на Журавце, на Техменево 2 — самый совершенный по форме, обработке и рабочим качествам экземпляр топора с перехватом из известных нам, на стоянке Высокино 2 на Вазузе — обломки рубящих, на Высокино 6 — по целому экземпляру топора и кайла (материалы близки белорусским), в местонахождении Лесничино — топор типа 12 в его развитой форме. Тесло из Горбуново 1 выполняло, видимо, функцию долбления, близко изделиям из Дмитровского 1.

В районе Соболево—Скнятино, помимо бутовских, есть и иеневские памятники. В подъемном материале с Пекуново — топор на нуклеусе, на стоянке Титово (раскопки Л. В. Кольцова) — топор с намеченным перехватом, в подъемном материале — мотыга с перехватом.

Значительный материал дала небольшая группа памятников в угличском и рыбинском течении Волги: в Богоявлении найдены 4 тесла и топор, относящийся к типу 12. Тесла простейших геометрических форм, характерных для позднего мезолита. В мезолитическом слое стоянки Алтыново обнаружено 6 рубящих орудий, в типологическом ряду они занимают позицию, непосредственно предшествующую появлению неолитических форм. Видимо, синхронна Алтынову и стоянка Коприно, где есть тесло с перехватом, треугольное тесло с лезвием — транше, четырехгранное тесло на куске кремня, по всем ребрам которого оформлен перехват, наконец, тесло типа 5 из расколотой вдоль гальки. На стоянке Пеньково 1 все орудия — поперечнолезвийные, т. е.

тесла и мотыга. Это наряду с топографией памятники, свидетельствует в пользу интенсивных занятий рыболовством.

Ссобую группу составляют несколько пунктов в районе Тарусы и Серпухова. А. С. Фроловым изучены стоянки у д. Ладыжино, которые, видимо, связаны с началом иеневской колонизации. Все рубящие орудия относятся к формам с перехватом. В пункте 1—3 тесла, в пункте 3 — топор с перехватом, довольно раннего облика. Изделие этого же типа — в подъемном материале стоянки Глазово 6 (сборы М. Г. Жилина).

Наконец, еще одну группу составляют стоянки на Тростенском озере в Подмосковье, изученные В. В. Сидоровым. Материалы большинства поселений близки друг другу и наиболее ранним памятникам иеневской культуры Калининского Поволжья. К типам с перехватом и с выделенным обухом относятся все топоры (Брикет 1, Семенова речка — воронка, Тростянская гора, Тростянская 3—Ю, Тростянская 8). На стоянке Никольская 1 найдена мотыга с перехватом и изящное тонкое тесло типа 9. На стоянке Дальний остров — топор с перехватом.

Из 68 изделий, относящихся здесь к группе рубящих орудий, 45 добыты в процессе раскопок (более двух третей от общего числа). Такой показатель позволяет делать выводы и заключения культурно-хронологического характера на прочной источниковедческой базе. Мотыги и кайла отнесены нами к группе рубящих условно, на основе сходства в конструкции и рабочей кинематике, хотя, конечно, функциональное назначение их было совсем иным.

А. С. Смирнов, Р. А. Нигматуллин

### НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ РЕССЕТА

Деснинская экспедиция ИА АН СССР в 1985—1987 гг. продолжила исследование неолитических поселений в верховьях р. Рессета в Хвастовичском р-не Калужской обл. Изучение памятников каменного века здесь началось в 1982 г., когда Разведочным отрядом экспедиции были обнаружены многочисленные стоянки, концентрирующиеся по левому берегу р. Рессеты от устья р. Лоховы до устья р. Ло-



ватянки. Геоморфологически они приурочены к Рессетинскому прогибу (Подбужской впадине).

Наиболее перспективные памятники найдены в окрестностях с. Красное на обширном останце левобережной террасы р. Ресеты, «урочище Пенешки», при впадении р. Вельи. Здесь в 1982 г. были начаты раскопки стоянок Красное VI, Красное VII и X. Исследования продолжались в 1985 и 1987 гг., что позволило значительно пополнить коллекцию и получить ряд новых, принципиально важных фактов.

На стоянке Красное X в 1985 г. вскрыто 110 кв. м., вся исследованная на памятнике площадь составила 240 кв. м. Стоянка занимает небольшой мыс с превышением над уровнем воды до 2 м и окружающей поймы — ок. 1 м. Основная вскрытая площадь приходится на возвышенную, суходольную часть. Ее стратиграфия типична для полесских стоянок — под дерном и слоем гумуса залегает серо-желтая супесь мощностью ок. 40 см, покоящаяся на светлом материковом песке. Находки в серо-желтой супеси аналогичны встреченным в предыдущие годы. Это раннеолитическая керамика с накольчатым орнаментом и керамика эпохи развитого неолита с различными вариантами ямочного, и и лапчатого орнаментов. Тщательная фиксация материала позволила говорить о преимущественном залегании накольчатой керамики в нижней части культурного слоя.

От раскопа в направлении поймы заложены две траншеи. Наиболее интересна южная, длиной 12 м. в ней удалось выявить шлейф культурного слоя, вдающийся в пойменные отложения и разделяющийся на два горизонта, перемежающихся торфом. Нижний горизонт культурного слоя содержал кремневые находки мезолитического времени. Перекрывающий его слой торфа на основании пыльцевых диаграмм датирован бореальным временем. Вышележащие слои супеси содержали неолитические материалы. Над ними образовался довольно мощный пласт стерильного торфа атлантического времени, точнее 1-ой пол. III тыс. до н. э. Это дает основание отнести верхнюю дату существования стоянки к концу IV тыс. до н. э.—рубежу IV—III тыс. до н. э.

В 4—5 м от восточной оконечности мыса в пойме заложены шурфы площадью 4 кв. м., Под слоем стерильного в археологическом отношении торфа толщиной 1 м на поверх-

ности материкового песка обнаружен развал сосуда. Это большой остродонный горшок эовидного профиля с высокой расширяющейся шейкой. Украшен горизонтальными рядами широкой отступающей лопаточки, возможно щепы. Форма сосуда и характер орнаментации говорят о принадлежности его к репинской энеолитической культуре, ближайший регион распространения которой — среднее Подонье. Наиболее близкие аналогии имеются в материалах могильника Репин Хутор. Морфология сосуда, отсутствие в орнаментации шнуровых элементов позволяет отнести его к первому этапу репинской культуры. Это подтвердили результаты пыльцевого анализа, датировавшего нижние слои торфа в шурфе первой половиной III тыс. до н. э.

В 1987 г. продолжены раскопки стоянки Красное VI. Исследованная площадь 120 кв. м. с С и З примыкала к раскопу 1982 г. Всего вскрыто 223 кв. м. Под дерном залегала темно-серая супесь мощностью до 35 см, подстилаемая слоем подзола толщиной 10—20 см, покоящегося на материковом песке. Никаких стратиграфических закономерностей в залегании материала выявить не удалось. Траншея, заложенная в направлении поймы, показала, что находки выклиниваются уже в начале склона возвышенности. Распределение находок по площади раскопа, изменение насыщенности культурного слоя говорят о том, что исследовалась периферийная часть памятника.

В целом полученные материалы подтверждают ранее сложившееся представление о памятнике, существовавшем в раннем, а главным образом в развитом неолите. В раскопках 1987 г. находок раннего неолита почти нет, территория стоянки этого времени раскопана ранее. Основной объем новой коллекции составляет кремневый и керамический инвентарь, характерный для деснинской культуры. Впервые на этом памятнике встречена своеобразная керамика, украшенная горизонтальными рядами чуть наклонных оттисков гребенчатого штампа в положении «на боку», разделенными редкими цилиндрическими ямками. Остродонные сосуды изготавливались из хорошо промешанного теста с ангобированием внешней поверхности. Технологические и орнаментальные признаки посуды подобного рода позволяют отнести ее к финальнонеолитическому — энеолитическому времени. Говорить о культурной принадлежности этих ма-



териалов пока можно лишь гипотетически. В них, особенно в орнаментации, прослеживаются традиции культур с ямочно-гребенчатой керамики.

Исследования последних лет в бассейне р. Ресеты позволили выявить и раскопать первую в верхнем Поочье торфяниковую стоянку, давшую материал для естественно-научного датирования. Впервые на территории Калужской обл. обнаружены материалы энеолитического времени, в которых можно проследить две культурные традиции, связанные с населением степной, а с другой стороны — лесной зоны. Это позволяет предполагать значительно более сложные, нежели представлялось до сих пор, пути перехода от каменного к бронзовому веку.

А. С. Фролов

#### РАБОТЫ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛ. В 1987 г.

Основной отряд Калужской экспедиции ИА АН СССР продолжал на территории области разведочные работы, связанные с составлением «Свода памятников истории и культуры». Изыскания проводились преимущественно на юге и Ю—З области в Юхновском, Износковском, Спас-Деменском, Кировском, Куйбышевском и Думиничском р-нах. Кроме того был осмотрен ряд известных памятников — стоянки Никольское I и II (Перемышльский р-н), селище у пос. Товарково (Дзержинский р-он) и др. Всего обследовано ок. 60 археологических памятников, из них 20 впервые.

Интересна группа из четырех стоянок и одного местонахождения кремня у д. Поляки на р. Брынь при ее впадении в р. Жиздра (Думиничский р-он). Стоянка Поляки I может быть датирована ранним мезолитом и отнесена к рессетинской культуре. Стоянки II и IV расположены на окончании мысов коренного берега к югу от деревни. Сохранившийся культурный слой (на поселении Поляки IV достигает мощности 0,4—0,7 м) содержит материалы позднего неолита и эпохи бронзы. Три стоянки (Трашковичи, Лосево, Новые Новики) мезолитического времени обнаружены на р. Снопоть в Спас-Деменском и Куйбышевском р-нах. Обильный подъемный материал содержит множество неправильных пластин, отщепов и чешуек. В коллекциях широко представлены разнообразные нуклеусы в различной стадии рас-

щепления. Среди орудий: резцы на сломе заготовок, концевые скребки. В Трашковичах найден крупный наконечник стрелы типа Лингби. Материалы этих стоянок близки материалом памятников типа Комягино. Стоянка Иеневской культуры открыта на правом берегу р. Шаня против с. Никольское (Дзержинский р-н).

Селища эпохи раннего железного века зафиксированы у д. Рыляки на правом берегу р. Рессы, в дд. Манино, Шабаново, Ямное на р. Болве (Людиновский и Куйбышевский р-ны), Бережки (Кировский р-н). Хорошо сохранилось селище мощинского времени у д. Клиницы на р. Жиздре (Думиничский р-н). В урочище «Чертово городище» в 6 км к В от Козельска на р. Любуше осмотрено городище I—III в. н. э. Культурный слой тонкий — 0,08—0,12 м, сильно поврежден. На мысу городища находится культовый камень (типа «чашечных») с шестью воронкообразными углублениями.

К эпохе Древней Руси относятся селище I у с. Погост (Людиновский р-н) и селище у с. Прудки в верховьях р. Неручь, рядом с известной курганной группой (Кировский р-н). В Боровском р-не осмотрено городище у с. Спас-Лужицкое. Открыто несколько новых курганных групп: в Думиничском р-не при впадении р. Ресеты в р. Жиздру (три кургана), на правом берегу р. Жиздры против с. Чернышево, в Кировском р-не у д. Поселок на р. Неручь (два кургана). Все насыпи имеют полусферическую форму, высотой — 0,5—1,5 м.

Средневековые селища XV—XVII вв. отмечены на р. Изверь у д. Вязищи (Износковский р-н), на правом берегу р. Яченки у д. Железняки (Пригородная зона г. Калуги).

Целью некоторых маршрутов (по рр. Перекше, Пополте, Неручи и др.) была проверка степени сохранности памятников, обследованных в конце прошлого века Н. И. Булычевым. Многие из них (у д. Жуковка, при впадении Перекши в Пополту, у г. Кирова и др.) не сохранились.

К. В. Воронин, Т. М. Кузнецова

#### НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Участок верхнего течения р. Оки от д. Митино Заокского р-на Тульской обл. до д. Лужки Серпуховского р-на Московской обл. неоднократно подвергался археологичес-



ким обследованиям. В 1924—25 гг. небольшие раскопки были проведены А. В. Арциховским (Тешиловское городище). В течение последних 20 лет этот отрезок долины Оки осматривался Р. Л. Розенфельдом, В. П. Любиным, В. В. Сидоровым, Н. Н. Воронковым, А. С. Фроловым. Ими выявлено 67 памятников относящихся к периодам неолита и бронзы, раннему железному веку и древнерусскому времени.

В 1987 г. обнаружено 20 ранее неизвестных памятников, среди которых были впервые открыты мезолитические.

Мезолитическая эпоха представлена 6 стоянками и 8 местонахождениями. Среди стоянок выделяются два типа. Первый — это памятники (Усть-Скнига, Дракино 7, Митино V), расположенные на высоких речных террасах (15—20 м). Отличаются преобладанием отщепов в комплексе, количество пластин крайне невелико, практически все они неправильные. Нуклеусы грубые, многоплощадочные. Среди орудий встречены асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, ретушные и боковые резцы на сломе пластин или отщепов с широкими кромками, концевые скребки на отщепках и пластинах, сверла из отщепов и ребристых сколов, двусторонние рубящие орудия. Второй тип (Дракино II, Лужки II, III) — стоянки, расположенные на первой речной террасе или высокой пойме (3—7 м). Характерно значительное количество пластин в комплексе при преобладании правильных. Нуклеусы клиновидные и конусовидные, встречаются многоплощадочные. Орудийный набор представлен концевыми скребками на пластинах, резцами на сломе пластин с узкими кромками, пером наконечника стрелы из пластины, оформленным пологой ретушью, вкладышами, двусторонними рубящими формами.

На мезолитической стоянке Митино V, расположенной на останце II террасы (высота 20 м), были произведены зачистки обнажений и шурфовка. Часть памятника уничтожена карьером. Выявлена следующая стратиграфия: под слоем дерна залегает слой городища железного века, его мощность до 0,6 м, причем явно читаются следы пожара. Оттуда происходят находки грубой лепной керамики с примесью дресвы, серой лощеной керамики и др. Находки мезолитического времени связаны с серой золотистой и серой супесями, мощность которых достигает 0,2 м. Материком является коричневый суглинок, который с гл. 110—120 см становится насыщенным камнями (расслоившейся известняк).

Всего на памятнике собрано более 500 предметов, относящихся к эпохе мезолита. Использовался в основном кремнь темных тонов (беховский) и валунный. Материал представлен отщепами, преобладают первичные, крупных размеров. Доля пластин невелика, большинство неправильных. Найдено довольно большое количество нуклеусов, нуклеовидных кусков и сколов их подправки. Нуклеусы грубые, аморфные, многоплощадочные. Количество орудий, найденных на памятнике, невелико. Видимо, зачисткой затронута та часть стоянки, на которой производилось первичное расщепление кремня. Преобладают боковые резцы с широкой кромкой, концевые скребки на отщепках, следует особо отметить находки макросверла на ребристом сколе, тесла из опоки с перехватом и двух наконечников стрел с боковой выемкой. Предположительно, Митино V может быть отнесено к иеневской культуре. Стоянка представляется перспективной для дальнейшего изучения.

Памятники неолита и бронзы представлены пойменными стоянками со смешанным материалом, в настоящее время практически полностью размытыми (Лукьяново II, Усть-Скнига IV, Дракино VIII, IX). На них собраны верхневолжская, льяловская, ромбоямочная, протоволововская, фатьяновская, поздняяковская и сетчатая керамика, кремневые изделия, небольшое количество орудий из кости.

Перспективными для дальнейшего изучения являются две кратковременные стоянки, расположенные на краю высокой (П-ой) речной террасы: а) Дракино III, давшая небольшое количество верхневолжской керамики, орнаментированной мелкозубчатым горизонтальным зигзагом и несколько кремневых отщепов; б) стоянка Усть-Скнига I с находками протоволововской керамики (остатки двух развалов сосудов) и кремневыми изделиями.

Из памятников железного века обследованы сильно разрушенное дьяковское селище Усть-Скнига III, подъемный материал которого состоит из большого количества лепной керамики, двух глиняных пряслиц, стрелы и гарпуна из кости; и городище Митино V, где найдены костяная проколка, лепная керамика, кости животных.



А. С. Смирнов

## ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1987 г.

Деснинская экспедиция ИА АН СССР продолжила работы по спасению памятников на новостройках юго-запада Нечерноземной зоны РСФСР.

На территории Калужской обл. обследован ряд проектируемых мелиоративно - ирригационных объектов. На одном из них, расположенном на правом берегу р. Жиздры, напротив с. Дешовки Козельского р-на обнаружены два селища раннего железного века и древнерусского времени. В Хвастовичском р-не продолжены раскопки стоянки Красное VI. В результате исследована практически вся площадь памятника. Среди вновь полученных материалов привлекает внимание своеобразная керамика финально-неолитического — энеолитического времени, в орнаментации которой прослеживаются традиции культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Разведочным отрядом экспедиции в Жуковском р-не Брянской обл. на левобережье Десны севернее райцентра открыт комплекс памятников, включающий селище железного века, а также стоянки эпохи мезолита и неолита. На последней среди кремневых орудий обнаружены наконечники стрел постсвидерского типа. Эта стоянка наиболее северная среди мезолитических памятников Подесенья. В Стародубском р-не обл. исследовано городище юхновского времени у с. Горислово.

Владимирским отрядом раскапывалось многослойное поселение у д. Семеновка Рогнединского р-на Брянской обл., занимающее мыс левобережной террасы р. Десны. Вскрыто свыше 600 кв. м. культурного слоя. Наиболее ранние материалы относятся ко второму этапу деснинской неолитической культуры. Помимо этого встречен небольшой комплекс керамики боровичского типа энеолитического времени. Примерно половина полученной коллекции датируется эпохой бронзы, главным образом ее развитым этапом. Это многочисленные фрагменты неорнаментированных сосудов, глиняные пряслица, а также плоское трапециевидное бронзовое тесло. По всей видимости к этому периоду существования

поселения относится наземное, слабо выраженное сооружение, а так же основная масса хозяйственных ям и многочисленных открытых очагов.

Славянский отряд экспедиции полностью исследовал курганный могильник из 12 насыпей у бывшей д. Чичеринка на левом берегу р. Десны в том же Рогнединском р-не. Вокруг насыпей прослежены кольцевые ровики, а в ряде случаев слабые следы оградок, о чем говорят полосы тлена и столбовые ямы в углах сооружений. Обряд погребения представлен как трупосожжением, так и трупоположением на горизонте. В погребениях обнаружены горшки, бусы многочисленные железные и бронзовые изделия — браслеты, кольца, подвески, в т. ч. шумящие и в виде «коньков», височные кольца и т. п. Полученный инвентарь позволяет датировать могильник первой половиной X в н. э. Этим же отрядом начаты исследования курганного могильника Смолино в 5 км выше по течению Десны. Раскопано две насыпи.

Стародубский отряд продолжил раскопки древнего Стародуба на территории современного райцентра, а так же ряда разрушаемых памятников в его окрестностях. В нижней части многометрового культурного слоя города обнаружены материалы и сооружения, утвердившие ранее высказанное предположение о существовании древнерусского Стародуба уже в X в н. э. Как и в предыдущие годы исследовалось укрепленное дружинное поселение Левенка, а так же два курганных могильника близ него. Проведена разведка древнерусских памятников в бассейне рек Вабля и Бабинец.

Мезолитический отряд традиционно концентрировал свои исследования в Рязанской обл. Разведочными маршрутами выявлен ряд новых памятников, в основном эпохи камня, в бассейнах рр. Цны и Мокши в южных и ЮВ районах области. Были продолжены раскопки мезолитической стоянки Шильцева Заводь V. Совместно с экспедицией ГИМ раскапывалась стоянка Шагара IV того же времени.

Г. А. Массалитина

## СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

История славянского этногенеза — эта тема, которая наряду со своей актуальностью является одной из наиболее



сложных в советской археологии. Важным вопросом, связанным с изучением славянской проблематики, является вопрос о характере древностей сер. — 3-й четв. 1 тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и на Верхней Оке.

Одной из культур, относящейся к этому кругу древностей, является мощинская культура, памятники которой распространены главным образом в бассейне Верхней Оки, но частично захватывают и самую верхнюю часть днепровского бассейна.

Археологические работы на памятниках мощинской культуры ведутся с кон. XIX в. Накоплен значительный материал. Но должного освещения в советской археологической литературе он не получил. Основные тезисы единственной серьезной работы по мощинским древностям в настоящее время устарели.

Пожалуй, единственным положением, справедливость которого не вызывает возражений, является вопрос об истоках мощинской культуры. Она складывается на основе одной из культур раннего железного века на территории верхнего Поднепровья и смежных территорий — верхнеокской — при участии, продвинувшихся в этот район с верховьев Десны зарубинецких племен.

Все остальные вопросы, связанные с изучением мощинской культуры, либо не решаются совсем, либо требуют пересмотра.

В первую очередь это относится к хронологическим рамкам существования мощинских древностей. Традиционный датировкой считается период с V по VII в. н. э. Она была предложена в начале 1940-х гг. на основе анализа характерных изделий с эмалью. А между тем, работы последних лет по изучению этих изделий, успешно ведшиеся украинскими исследователями, приводят к выводу о необходимости их удревнения. В соответствии с этим должна быть пересмотрена и хронология мощинских древностей.

Совершенно не разработан вопрос о происхождении погребального обряда мощинской культуры. Погребальные памятники мощинцев (курганы типа Шаньково—Почепок) резко выделяют мощинскую культуру среди соседних, синхронных с нею культур. Истоки курганного обряда мощинских племен не ясны.

Нет большей определенности и в вопросе об этнической

принадлежности этих племен. Существующие мнения о славянском, балтском, метисном (балто-славяно-финно-угорском) облике носителей мощинской культуры, также нуждаются в дальнейшей разработке.

Требуется уточнения вопрос о характере и степени влияния мощинской культуры на финно-угорское население ЮВ окраин дьяковской культуры.

Наконец, в положении о том, что мощинская культура явилась субстратом в формировании восточно-славянского племени вятичей необходимо выяснить — какие именно элементы материальной культуры и погребальной обрядности влились, трансформировались, в культуру восточных славян.

Следует подчеркнуть, что основной причиной неразработанности многих вопросов, связанных с изучением мощинской культуры, является слабость источниковедческой базы.

Н. В. Лопатин

### СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОРОДИЩА ТУШЕМЛЯ

Городище Тушемля — один из известнейших памятников I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье. Оно было почти полностью раскопано П. Н. Третьяковым в 1955—57 гг., материалы опубликованы в 1963 г. Комплексы городища Тушемля стали эталонными при выделении археологических культур, применяются термины «культура типа среднего слоя Тушемля», «культура типа верхнего слоя Тушемля». При этом не учитывается, что публикация П. Н. Третьякова не отвечает современным требованиям (в частности, приведенные фотографии сосудов непригодны для полноценных сравнений) и содержит ряд спорных положений, а после 1963 г. новой источниковедческой работы с материалами данного памятника не проводилось. Изучение подлинной архивной документации и керамических материалов позволяет внести некоторые коррективы в традиционные взгляды на городище Тушемля.

К верхнему культурному слою П. Н. Третьяковым отнесено круглое сооружение (площадка диаметром 6 м, окруженная канавой, со столбовой ямой в центре), интерпретированное



как святилище. Однако, достаточных оснований для увязки его с комплексом верхнего слоя нет: в его пределах не найдено ни вещей, относящихся к культуре верхнего слоя, ни даже остатков горелого дерева (все постройки верхнего слоя погибли в пожаре). Т. о., не исключена возможность отнесения данного сооружения к среднему слою, тем более что второе аналогичное сооружение на Тушемле принадлежит именно ему. Такие же сооружения, открытые на других городищах Смоленщины, либо достоверно связаны с культурой среднего слоя Тушемли (Демидовка, Самсонцы), либо их связь с культурой верхнего слоя так же сомнительна, как на Тушемле (Городок, Прудки). В связи с этим не вполне убедительной представляется реконструкция внешнего облика городища Тушемля со святилищем на стрелке, а также мнение о характерности таких святилищ для культуры 3-й четв. 1 тыс. н. э. Не может служить этот элемент культуры и аргументом в пользу генетической связи культур среднего и верхнего слоя Тушемли.

Недостаточно убедительно отнесение к комплексу верхнего слоя чернолощеной миски с уступом и раструбообразным венчиком, серпа и жернова. В непосредственной связи с остатками сгоревшей постройки последнего периода жизни на Тушемле найдены только развалы горшковидных сосудов.

Сосуды верхнего слоя Тушемли, вопреки распространенному мнению, вряд ли могут рассматриваться как эталон керамики Смоленщины 3-й четв. 1 тыс. н. э., т. к. этот комплекс не находит себе полных аналогий: горшки группы I в целом несколько сильнее профилированы, чем аналогичные сосуды с других памятников, лощеным горшкам группы II вообще неизвестно достаточно близких аналогий.

Традиционная датировка верхнего слоя Тушемли 3-й четв. 1 тыс. н. э. не может быть в настоящее время уточнена. Однако, отнесение пожара на основании одной радиоуглеродной даты к последней четв. 1 тыс. вызывает возражения. Во-первых, в это время на Смоленщине распространена другая культура, во-вторых, характер верхнего культурного слоя свидетельствует о кратковременности его существования, в-третьих, современные взгляды на методику радиоуглеродного датирования предполагают получение серий дат.

Материалы городища Тушемля требуют дополнительно-го источниковедческого анализа.

О. Л. Прошкин

## КАЛУЖСКИЕ КУРГАНЫ В РАСКОПКАХ И. Д. ЧЕТЫРКИНА

В кон. XIX — нач. XX столетий председателем Калужской Ученой Архивной Комиссии И. Д. Четыркиным проводилось археологическое изучение отдельных уездов Калужской губернии с целью составления археологической карты. Им обследованы археологические памятники в Калужском, Козельском, Мещовском и Лихвинском уездах — стоянка, городища и курганы на р. Калужке близ г. Калуги, городище в д. Серенск на р. Серене близ г. Мещовска, окрестности г. Козельска, городище «Дуна» на р. Оке и др. Некоторые из них были частично или полностью раскопаны.

Большой интерес представляют раскопанные И. Д. Четыркиным 17 курганов в Козельском и Калужском уездах. 16 курганов имели круглую полусферическую форму и 1 сегментовидную. В результате раскопок обнаружены погребения по обряду трупосожжения и трупоположения, с сопровождающим некоторые из них погребальным инвентарем.

Краткие сведения о раскопках содержатся в отчетах Имп. Арх. напечатанные в «Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии» (ИКУАК). Раскопки большинства курганов велись методом закладки, единой или двух траншей, ориентированных по сторонам света, с последующим снятием всей насыпи. Материалы раскопок были переданы И. Д. Четыркиным в кон. XIX в. в музей при Архивной Комиссии. К настоящему времени большая часть их утеряна и лишь очень краткие сведения о них содержатся в ИКУАК. Несмотря на это, курганы представляют научный интерес для изучения погребального обряда бассейна верхней Оки и требуют подробного изучения.

Погребальный обряд из курганов, раскопанных И. Д. Четыркиным, имеет аналогии как на территории бассейна верхней Оки, так и за его пределами. На основании некоторых элементов обряда погребения и немногочисленных сохранившихся находок представляется возможным установить



относительную датировку и культурную принадлежность курганов.

Курганный могильник между сс. Губино и Меренищи близ г. Козельска. Состоял из 20 насыпей. 5 из них И. Д. Четыркин раскопал в 1898 г.

Большой интерес представляет одиночное захоронение коня в кург. № 1 и птицы с погребением в грунтовой яме кург. № 2. Захоронения коней, как одиночные, так и вместе с погребениями, обнаружены при раскопках курганов в бассейнах верхнего течения рр. Оки и Днепра (Васильевское—Лобаново, кург. № 1, № 9; Урвань—Паршино; Трашковичи, кург. № 1; Выгорь—Проходы). Известны на этой территории и ритуальные захоронения птиц (Дубровка, Васильевское — Лобаново, кург. № 1). Погребения с костями коней и птиц, как и их отдельные захоронения широко известны на территории финно-угорских, балтских племен СВ и СЗ Руси, в Прибалтике, довольно многочисленны они и в Скандинавии. Как предложил В. И. Кулаков, захоронения коней в курганах Калужской земли не являются характерными для местного славянского населения и связаны с проникновением сюда в XIV в. литовских дружин. Среди последних бытовала традиция погребения с конем или коня, иногда сопровождаемое жертвенной птицей. Таким образом, можно сопоставить захоронение коня (курган № 1) и мужское погребение с жертвенной птицей (курган № 2) могильника Губино — Меренищи с присутствием литовцев в Калужской земле в сер. XIV — нач. XV вв. и датировать погребения этим временем.

#### д. Турынинские Дворики

Курганный могильник к западу от д. Турынинские Дворики, на левом берегу р. Оки, близ устья р. Калужки. Насчитывал 9 насыпей. Полностью раскопан в 1892—1896 гг. Наиболее интересны курганы № 6 и № 7 с трупосожжениями, помещенными в нижние части насыпей. Относительную датировку можно установить по находке в сожжении кург. № 6 сероглиняного биконического пряслица и донца лепного чернолощеного сосуда типа миски в верхней части этой же насыпи. Аналогичные пряслица и керамика найдены при раскопках курганов и поселений сер. I тыс. н. э. в бассейне верхней Оки и относятся к кругу древностей мощинской ку-

льтуры. Т. е. трупосожжение в кург. № 6 и аналогичное ему в кург. № 7 можно предположительно датировать сер. I тыс. н. э. Мужское трупоположение в насыпи кург. № 6 нужно считать наиболее поздним, впускным. Интересна, также, находка трех гончарных сосудов в трупосожжение кург. № 2. Сосуды стояли дном вверх по линии ЮЗ—СВ. Ближайшие аналогии известны из раскопок курганов сер. I тыс. у д. Шаньково (курган № 2) и с. Колчино (кург. мог.—к 1, кург. № 4), где находились трупосожжения с лепными сосудами, стоявшими днищами вверх. Наличие в трупосожжении кург. № 2 гончарных сосудов позволяет отнести его ко времени более позднему — не ранее X в. Вполне вероятно, что обряд помещения сосудов дном вверх вместе с сожжениями (Шаньково, Колчино) в насыпи курганов, оставленный носителями мощинской культуры доживает в местной балтской среде до кон. I тыс. н. э. (Турынинские Дворики). В курганах № 4, № 8 и «курганообразной насыпи» отмечены находки кремневых и костяных орудий, вероятно, попавшие сюда с культурным слоем находящейся рядом мезолитической стоянки и селища, где могли брать грунт для сооружения насыпей. Найденный в кург. № 3 очаг, возможно, является поздним производственным сооружением, помещенным в насыпь кургана.

#### с. Явленное.

Точную датировку и культурную принадлежность установить нельзя. Обряд трупосожжения на стороне был широко распространен на территории Верхнеокского бассейна со 2-ой четв. I тыс. н. э. до рубежа XI—XII ст.

#### д. Ждамирово.

Близ д. Ждамирово, на правом берегу р. Калужки, в двух курганных могильниках И. Д. Четыркиным в 1894 г. и 1896 г. были раскопаны три насыпи. Курганы имели высоту 1,1 — 3,5 м. Два кургана оказались пустыми. В третьем, имевшем высоту ок. 3,5 м. найдены фрагмент гончарного сосуда и несколько фрагментов лепной керамики, 2 кости, на поверхности которых были сделаны насечки.

Датировать можно лишь один курган, где были найде-



ны фрагменты «простой глиняной посуды». Это фрагменты лепного толстостенного сероглиняного, с грубыми минеральными примесями в тесте сосуда, с венчиком, украшенным косыми насечками и часть лепного тонкостенного чернолощенного горшка. Аналогичная керамика найдена при раскопках курганов и поселений V—VI вв. в Верхнеокском бассейне (Николо—Ленивец, Воротынцово и др.). Этим же временем следует датировать курган и предположительно отнести его к мощинской культуре.

Т. М. Хохлова

### АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЕНСКОГО ГОРОДИЩА В 1987 году

Экспедицией Калужского областного краеведческого музея продолжены раскопки усадьбы, частично исследованной в 1986 г. Сделана прирезка в 20 кв. м. к С стенке раскопа 4. На исследованном участке открыты углубления от изгороди, три хозяйственных ямы и столбовые ямки.

В культурном слое можно выделить два стратиграфических горизонта: 1) светло-серая супесь, насыщенная светло-глиняной керамикой XIV—XVI вв. встречаются фрагменты лощеной посуды XVI—XVII вв. Среди находок отметим фрагмент светлоглиняного неполированного изразца с растительным орнаментом. 2) темно-серая супесь с примесью углей и пачины, в которой найдены керамика и предметы XII—XIII вв. местные и привозные стеклянные браслеты, ножи, часть конских пут, накладка на ларец, ключ, шиферное пряслице, часть жернова.

Яма 1 имеет в плане почти квадратные очертания. В заполнении — темно-серая супесь с примесью пачины, на дне черная супесь. Среди находок — керамика XII—XIII вв., стеклянные браслеты, железный шлак и железная игла.

У ямы 3 вытянутые очертания. Около нее заканчивается углубление от изгороди, у 3 края — столбовая ямка, в которой найдена лепная керамика. В заполнении, кроме одного стеклянного браслета, вещей не было, керамика, найденная в ней, относится к XII—XIII вв.

Часть ямы 5 находится в раскопе 4, стенка ее понижается уступами, западная под небольшим наклоном. Часть

пола выложена деревом. В заполнении керамики XII—XIII вв, железная проволока, фрагмент пряслица, удила, на дне под древесным тленом — обломки лепной керамики с примесью дресвы: венчики с насечками и веревочным штампом по краю. Возможно, что эта постройка относится к более раннему времени, все ямы раскопаны частично и определить их точное назначение пока нельзя.

Раскопки 1987 г. подтверждают, что Серенское городище (в том числе территория посада) заселено задолго до славян балтами (мощинская культура). Находки фрагментов горшков роменского типа говорят о том, что уже в VIII в. здесь появляются славянские племена.

Л. Н. Красницкий

### К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕОКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение верхнеокских памятников раннего железного века началось в кон. XIX столетия. В 1903 г. А. А. Спицин наметил возможность выделить в будущем верхнеокские памятники среди городищ дьякова типа в особую группу, что было сделано после исследований 30-х гг. на Верхней Оке, П. Н. Третьяковым. С 1950-х гг. памятники Верхней Оки исследуются С. А. Изюмовой и Т. Н. Никольской. В ходе двадцатилетних работ Т. Н. Никольская делает вывод о том, что городища региона 2-ой пол. 1 тыс. до н. э. — 1-ой пол. 1 тыс. н. э. не являются дьяковскими, а сближаются с памятниками юхновской культуры древних балтов Подесенья.

В настоящее время наметилась возможность обобщить итоги изучения поселений собственно верхнеокской культуры, чему, однако, препятствует нерешенность ряда вопросов и пробелы наших знаний, в том числе памятников предшествующей эпохи поздней бронзы на территории региона.

Весьма приблизительно определена территория распространения верхнеокских памятников. Южная граница определяется Т. Н. Никольской приблизительно по линии Орел — Новосиль. Верховья Оки отнесены ею к зоне племен зольничной культуры. Некоторые новые данные позволяют предполагать отнесение южной границы культуры до истоков Оки на водораздел Оки и Сейма.



Северная граница распространения верхнеокской культуры проводится Т. Н. Никольской и П. Н. Третьяковым по Угре, отводя междуречью Угры и Протвы роль пограничной зоны между смоленскими (днепро-двинскими), дьяковскими и верхнеокскими племенами.

Восточные и западные границы культуры как правило не стовариваются. Вопрос восточного пограничья осложняется слабой изученностью городецких и других памятников верхневьева Дона. Другой нерешенный вопрос — находки на памятниках тульского течения Оки керамики с сетчатым орнаментом дьяковского типа (Дуна, Гремчье, Каменка, Мишнево, Песковатское). Все же можно утверждать, что междуречье Зуши и Упы, где известен ряд верхнеокских поселений (Жилино, Михайлов Брод, Синюково, Сатинки), входило в ареал культуры.

Неясность и с западной границей. Вероятно, калужское течение Угры до устья Вори входило в верхнеокский регион (В. В. Седов). Южнее, по данным И. К. Фролова, граница проходила последовательно по водоразделам Рессы и Жиздры с Болвою, далее — Оки с притоками Десны Навлею и Неруссою.

На обозначенной территории известно 82 памятника датируемых 2-ой пол. 1 тыс. до н. э. Из них в Калужской обл. — 27, Тульской — 12, Орловской — 33. Примерно столько же с неуточненной датировкой. Основная их часть обследована лишь разведками или незначительными раскопками. Основопологающие материалы верхнеокской культуры получены при раскопках городищ Дуна и Мужитино, Свинухово, Нико-ло-Ленивец, Вороново, Надежда, Сатинки.

Верхнеокские городища расположены обычно на мысах коренного берега, на высоте 15—30 м. над уровнем моря. С напольной стороны отделяются от плато, как правило, двумя-тремя, реже одним валом и рвами (рвом). Как показали последние исследования пространства между валами культурного слоя не имеют.

Из 82-х известных поселений — 51 городище, большей частью со слоями последующих эпох. До начала 80-х гг. они считались основным типом верхнеокских поселений. Было известно лишь 9 селищ. Сейчас их известно 31, не считая совершенно разрушенных и с неуточненной датировкой. Распо-

лагаются селища на идентичных с городищами мысах, группами по 3—10 поселений, сконцентрированных вблизи городища. Селища характеризуются культурным слоем незначительной мощности, содержащим фрагменты лепной тонкостенной керамики. Отсутствие внутренней хронологии верхнеокских поселений не дает возможности говорить о одновременности, первичности или вторичности городищ и селищ.

В. Г. Пуцко

### ДРЕВНЕЙШЕЕ КАМЕННОЕ СООРУЖЕНИЕ В КАЛУГЕ

Среди сохранившихся в Калуге построек наиболее ранней является церковь Покрова «что на рву», которая была возведена в 1687 г., заменив деревянную того же наименования.

В калужской описи 1626 г., предшествующая существующей постройке, названа как «церковь Всемиловитового Спаса да Покрова святых Богородицы», стоящая «за городом в остроге, на посаде». Она была деревянной, рубленной («клецкая»). Описью 1685 г. зафиксирована уже церковь, поименованная «Покрова пресв. Богородицы с приделом Происхождения Честных Древ», которая стояла севернее существующего каменного храма и была разобрана вскоре после завершения его постройки.

Церковь Покрова «что на рву» типологически идентична московским бесстолпным храмам 2-ой пол. XVII в. Основной объем представляет двухсветный четверик, к которому приымают пониженные объемы трехчастного алтаря и трапезной с колокольной с западной стороны; с юга и севера построены крыльца на столбах-кубышках с опирающимися на них двойными арками с висящей между ними «гирькой». Внешние плоскости храма декорированы наличниками, колонками, перехватами, сложной конфигурацией фронтонами, пучками колонок-дудочек на углах и карнизом с мотивом декоративных кокошников с килевидным завершением. Нижний ряд наличников стесан при позднейших переделках, но восстанавливается по следам. Четверик завершается пятью главами, четыре из которых неестественно сдвинуты к углам, как предполагается после одного из пожаров в XVIII в., когда появились трещины в сводах. Но не исключено, что первоначально церковь была одноглавой.

Наиболее существенные перестройки, по-видимому, осуществлены в 1-ой четв. XIX в., когда первоначально возве-



денная шатровая колокольня была почти наполовину разобрана и заново надстроена в стиле провинциального классицизма. Тогда же выполнен иконостас, верхняя часть которого сохранилась; от иконостаса существовавшего в трапезной придела Иоанна воина нет никаких следов.

Сохранившаяся метрика, составленная 15 февраля 1887 г. на основании сведений, полученных от священника, прослужившего в этом храме 35 лет (ЛОИА, ф.3, д.1760), зафиксировала местные предания и сохранила детальное описание интерьера, позволяющее опознать некоторые сохранившиеся иконы, установив их прежнее место. В указанной описи иконостас определен как «нового устройства с колоннами, резно из дерева». Здесь же сообщается, что «стены церковные расписаны иконописным письмом, были прописываемы и покрываемы новым колоритом». Следовательно, не исключена вероятность существования под позднейшими записями и побелкой фресок, выполненных на рубеже XVII—XVIII вв. Если они действительно сохранились, — это единственный памятник древнерусской монументальной живописи в Калуге.

По сообщению метрики, «церковь устроена усердием приходских и постронных вкладчиков». Их вниманием, видимо, храм пользовался и впоследствии, насколько можно судить об этом по описи, дополняемой воспоминаниями известного историка искусства П. Н. Желтовского (1904—1986 гг.), на которого в юношеские годы интерьер калужской церкви произвел сильное впечатление.

Сохранившееся сооружение является частью архитектурной истории Калуги, запечатлевшим один из ее этапов, а также одним из тех памятников зодчества, без привлечения которых невозможно понять эпоху.

С. Е. Компанец

### АРХИТЕКТУРА МАЛЫХ ФОРМ В ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

С созданием филиала Калужского областного краеведческого музея в Пафнутьев-Боровском монастыре встал вопрос о более глубоком изучении находящихся на его территории памятников архитектуры, в том числе малых форм. На сегодняшний день известно 14 надгробий, памятных досок, плит, но только одна надгробная плита сохранилась в хорошем состоянии. Другие памятники имеют значительные утраты, некоторые сохранили лишь надписи или орнамент. Столь не-

большое количество надгробий не дает представления о некогда обширном некрополе монастыря.

Памятниками архитектуры малых форм Пафнутьева монастыря никто серьезно не занимался. Попытки систематизации надгробий предпринимались архимандритом Леонидом. В своем описании монастыря Леонид отмечает 27 надгробий XVII в., одно надгробие ксн. XVI в. и одну памятную доску кон. XVI в. Им же была произведена локализация некрополя. Так под церковью Архистратига Михаила, в первой и второй палатках (ныне не существующих) находилось 21 погребение князей Репиных, Лыковых, Лыковых-Оболенских. В третьей палатке — могилы князя К. О. Щербатова и А. И. Прончищева. Около церкви пророка Или — надгробие старца Епифания. В церкви Всех Святых — захоронения князей Волконских, в том числе героя обороны монастыря 1610 г. — М. К. Волконского. При входе в предел святой Ирины — памятная доска А. Клешнина. Представляют интерес и целевые раскопки, проведенные Машковым в 1912 г., по локализации захоронения князей Репниных. Местом их погребения является участок с южной стороны собора Рождества Богородицы, от входа до алтарной части. Им было вскрыто 26 надгробий. К сожалению, Машков не описал своих находок, указав лишь надгробие князей М. П. и И. П. Репниных и некоего Панкратия Константиновича Курлятева, неупомянутых Леонидом.

На сегодняшний день из 14 памятников архитектуры малых форм мы имеем пять читаемых фамильных надгробий и плит: Д. И. Мезецкого, Б. А. Репнина, И. П. Репнина, И. Родищева и А. Клешнина. Из них не упоминается ни в каких источниках захоронения Д. И. Мезецкого и И. Родищева.

Надгробие Д. И. Мезецкого представляет фрагмент плиты размерами 34x46 см. Орнамент не сохранился, надпись сделана резаной вглубь вязью. Техника резьбы высокая, надпись выполнена по заранее прочерченной рамке.

Надгробие И. П. Репнина вновь открыто в августе 1987 г. Сравнивая с описанием Машкова, возможно произвести реконструкцию утрат. Надгробие найдено у южного входа в собор Рождества Богородицы на расстоянии 2-х м. от стены. Орнамент не сохранился. Размеры 41x74x28 см. буквы резаны вязью вглубь, высота букв 4,5 см. Потери значительные. Интересны два фрагмента плиты с надгробия кн. Б. А. Репнина (ум. 17 мая 1670 г.). Орнамент не сохранился, буквы



резаны красивой вязью вглубь по строке. По технике выполнения надписи можно сказать, что резчиком был искусный мастер, грамотный, возможно, московский.

В крайне плохом состоянии, с большими утратами дошла до нас памятная настенная доска дядьки царя Федора Иоанновича, окольного Клешина. Практически вся правая часть белокаменной доски утрачена. Надпись читается только по сколам и оставшимся буквам, размер 78x60 см. Орнамента нет, доска вмурована в стену придела Ирины. Надпись была выполнена выпуклой вязью, с выборкой фсна. Техника резьбы очень высокая, подобные памятники находят свое распространение только в XVII в. Подобный памятник архитектуры малых форм—редкость для кон. XVI в. (доска датирована 1599 г.—годом смерти А. Клешина).

Около восточных братских келий находится единственное надгробие — И. Родищева, дошедшее до нас почти без повреждений. Дата утрачена, за исключением числа 7000, написанного цифирью. По технике выполнения надписи, жгутовому орнаменту плиту можно датировать XVII в. Размеры ее 130x60x25 см. Надпись выполнена резаной вглубь вязью, высота букв 7,5 см. Качество резьбы на низком уровне. Нижнее клеймо и тяги имеют треугольный орнамент.

В Пафнатьевом монастыре находятся фрагменты надгробий более раннего времени. Камень № 5 имеет плохо читаемую надпись и часть орнамента, который состоит из узкой-рамки с мелкими треугольниками, обращенными вершинами внутрь. Буквы процарапаны острым предметом, надпись без претензий на художественность. Прием написания букв и орнамент характерны для 1-ой четв. XVI в.

Большой интерес представляет фрагмент надгробия XVI в., сохранивший дату, надпись и орнамент. Камень датируется 7078 (1570) г. и имеет характерный для того времени орнамент и палеографические особенности. Орнамент и надпись фрагмента характерны для 2-ой пол. XVI в. Часть памятной доски некоего схимника Дионисия интересна тем, что по технике исполнения сопоставима с доской Клешина.

Кроме перечисленных памятников на территории Пафнатьев-Боровского монастыря имеются и другие незначительные фрагменты надгробий и надгробных плит, датируемых по технике изготовления 1-ой пол. XVII в. В основании колокольни выявлено около 20 надгробных плит. Под крыльцом трапез-

ной, пристроенной к собору Рождества Богородицы находятся два надгробия, судя по орнаменту, XVI в.

В. И. Осипов

### ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАФНАТЬЕВА МОНАСТЫРЯ СО СТОЛБЕНСКИМ НИЛОВЫМ МОНАСТЫРЕМ В XVII В.

У Пафнатьева монастыря, как крупного феодала, не раз возникали конфликты с другими крупными землевладельцами, такими как Столбенский Нил и Иверский монастыри, Архангельский собор Московского Кремля.

В архивах Пафнатьева и Столбенского монастырей сохранились документы, запечатлевшие затянувшийся спор двух духовных феодалов из-за Ржевской вотчины Б. М. Лыкова, пожалованной Пафнатьеву монастырю и дававшей Столбенскому монастырю ругу с тех же земель.

Б. М. Лыков-Оболенский являлся крупным вкладчиком в Пафнатьев монастырь в 1-ой пол. XVII в. Начав службу в царствование Федора Ивановича он до конца дней находился на государственной службе. В 1614 г. Б. М. Лыков имел в Боровском уезде одно село, пять деревень, три пустоши, где насчитывалось шесть четей земли с осьминой. Б. М. Лыков часто делал вклады в Пафнатьев монастырь. Здесь у него захоронены малолетние дети. В 1620 г. на его средства Рождественский собор был покрыт железом. В 40-е годы XVII в. на деньги Лыкова построена церковь св. Пафнутия на монастырском подворье в Москве, а в 1644 г. в Рождественском соборе произведена роспись «стенным иконным письмом».

Б. М. Лыков делает вклады и в Столбенский монастырь. В 1629 г. он разрешает получать из своей Ржевской выслуженной вотчины село Кровотыни и слободу Зольца на содержание братии ругу. Кроме того, монастырю разрешалось ловить рыбу двумя челнами в принадлежащих ему водах озера Селигер. В 20-е годы XVII в. игумен Нектарий купил мельницу на реке Сорог за 100 рублей, деньги на которую дал Б. М. Лыков. 23 августа 1635 г. человек Лыкова Семен Кривцов подал его челобитную на имя царя с просьбой отдать выслуженную вотчину в Ржевском уезде после его смерти в Пафнатьев монастырь. По этой грамоте, после смерти Б. М. Лыкова, Пафнатьев монастырь должен был получить село Кровотынь, слободу Зольца, а также 25 деревень, пустошей с землей в 447 четей и рыбные угодья в оз. Селигер.

Если при жизни Б. М. Лыкова Столбенский монастырь



получал свою ругу, не встречая препятствий, то после смерти, начались споры из-за получения руги. В 1647—48 гг. власти Столбенского монастыря просят оставить в силе указную грамоту Б. М. Лыкова от 17 января 1629 г. Игумен Пафнутьева монастыря Иосиф соглашается с этим и разрешает Столбенскому монастырю ловить рыбу в Селигере. Но, тем не менее, Пафнутьев монастырь перестал давать ругу с Кровотыньских вотчин, да и рыбные ловли были отданы на оброк кадашевским посадским людям. Игумен Столбенского монастыря Нектарий чувствовал, что монастырь может окончательно потерять рыбные ловли, и просил разрешения у царя Алексея Михайловича ловить рыбу в оз. Ильмень. В 1660 г. царь пожаловал Столбенскому монастырю рыбную ловлю на Ильмене. В 1664 г. Нектарий старается договориться с Пафнутьевым монастырем о ловле рыбы в Селигере. 10 июня 1664 г. власти Пафнутьева монастыря подтверждают право рыбной ловли Ниловой пустыни в озере Селигер для «монастырского обихода», о владении ими острова Городомлей и полуостровом Светицким.

С 1667 г. споры в монастыре возобновились. Из их переписки видно какие претензии предъявляют стороны друг другу. Столбенский монастырь просит не ставить запреты на ловле в Селигере, ссылаясь на жалованную грамоту царя Алексея Михайловича, по которой ему разрешено ловить рыбу двумя челнами. Пафнутьев же монастырь ставит в вину столбенам то, что они ловят рыбу переметами в заповедных тонях и не дают ловить крестьянам Пафнутьева монастыря.

28 октября и 28 июня 1685 г. Столбенскому монастырю были даны грамоты на имя ржевского воеводы В. Братцова об утверждении за монастырем право на рыбную ловлю в озере Селигер, о владении островом Городомлей и о получении денежной и хлебной руги с кровотыньских крестьян. В этих грамотах Столбенскому монастырю запрещалось ловить рыбу в неотведенных для него местах и чинить препятствия в рыбной ловле крестьянам Пафнутьев-Боровского монастыря. В противном случае последнему разрешалось бить челом царю и «искать» судом.

В этом споре между двумя монастырями самодержавие проводило политику умиротворения, стремясь «не обидеть» церковь. Такое положение сохранилось до середины XVIII в. и было закреплено жалованной грамотой императрицы Елизаветы от 30 марта 1759 г.

## СОДЕРЖАНИЕ:

Сорокин А. Н. О происхождении бутовской культуры	3
Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Стоянка Красная, 3.	6
Кравцов А. Е. К вопросу о хронологии памятников иеневской культуры	8
Воробьев В. М. Рубящие орудия иеневской культуры	11
Смирнов А. С., Нигматуллин Р. А. Новые исследования неслитических стоянок в верховьях реки Рессета	13
Фролов А. С. Работы в Калужской области в 1987 г.	16
Воронин К. В., Кузнецова Т. М. Новые памятники верхнего Поочья	17
Смирнов А. С. Исследования Деснинской экспедиции в 1987 г.	20
Массалитина Г. А. Современное состояние изучения мощинской культуры	21
Лопатин Н. В. Спорные вопросы интерпретации городища Тушмеля	23
Прошкин О. Л. Калужские курганы в раскопках И. Д. Четыркина	25
Хохлова Т. М. Археологические исследования Серенского городища в 1987 г.	28
Красницкий Л. Н. К изучению памятников верхнеокской культуры	29
Пуцко В. Г. Древнейшее каменное сооружение в Калуге	31
Компанец С. Е. Архитектура малых форм в Пафнутьев-Боровском монастыре	32
Осипов В. И. Взаимоотношения Пафнутьева монастыря со Столбенским Ниловым монастырем в XVII в.	35



1. Корольков А. И. О проблемах культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

2. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

3. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

4. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

5. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

6. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

7. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

8. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

9. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.

10. Корольков А. И. Исследования по истории культуры восточных народов // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1. С. 12-15.